

Писатель и борьба за мир

Романист или драматург, отстаивающий в своих произведениях дело мира, вдвойне участвует в происходящей сейчас борьбе.

Во-первых, он действует таким могучим оружием, как убеждающая сила художественного произведения. Роман Андре Стиля «Первый удар» лучше всяких речей объясняет причины и показывает методы борьбы французских докеров против американских оккупантов, убеждая читателя в справедливости этой борьбы.

Во-вторых, появление художественных произведений, ярко отражающих стремление народных масс к миру, вынуждает буржуазные правительства сбросить с себя маску лжедемократии, которой они прикрываются и которая все еще вселяет кое-у кого иллюзии. Преследования и гонения, которым подвергаются писатели — сторонники мира, пробуждают сознание у людей, помогают понять им истинное положение вещей. Вот об этой-то борьбе писателей за дело мира мне и хочется сказать, обратившись в качестве примера к событиям, происходящим во Франции.

Во Франции можно сейчас более или менее безнаказанно обличать буржуазное правосудие, политику, нравы. Но Андре Стиль был арестован и незаконно заключен в тюрьму не в последнюю очередь за то, что его роман описывает борьбу за мир французских докеров и был отмечен Сталинской премией.

Илье Эренбургу запрещен приезд во Францию потому, что он выдающийся боец за мир.

Буржуазная критика много внимания уделяет порнографическим романам, но она упорно замалчивает «Джимми» Пьера Куртада, книгу, которая рисует муки совести молодого американца, с ужасом наблюдающего, как фашизм разрастается в его стране.

Однако, поступая так, французская буржуазия вступает в противоречие с собственной пропагандой. В своей прессе, по радио, в речах и выступлениях она не перестает заявлять, что Франция вооружается, притом в огромных масштабах, ведет войну во Вьетнаме, подчиняется американским оккупантам единственно для того, чтобы защитить демократические свободы, которым якобы угрожает коммунизм. Но в то же самое время буржуазные правители вызывают полнейшее презрение к демократическим свободам, преследуя сторонников мира, в том числе и писателей, запрещая их произведения.

Противоречие настолько кричащее, что оно вызывает протесты в самой буржуазной среде.

Общественное осуждение запрещения моей пьесы «Полковник Фостер признает себя виновным» в этом отношении очень характерно. Пьеса была запрещена в

★

Роже Вайян — французский прогрессивный писатель и публицист, автор широко известной пьесы «Полковник Фостер признает себя виновным». По приглашению Союза советских писателей Роже Вайян приехал в СССР.

условиях совершенно скандальных. Первое представление прошло в присутствии всех критиков, в том числе и буржуазных, и не вызвало ни малейшего инцидента.

На другой день утром фашистская газета «Орор» опубликовала на первой странице громовую статью, призывающую силой помянуть представления пьесы «Полковник Фостер признает себя виновным».

Вечером театр Амбигю был атакован одновременно изнутри и снаружи двумя отрядами военных, вооруженных дубинками, ножами и гранатами со слезоточивым газом. Возмущенные зрители выгнали нарушителей порядка из театра. Десять минут спустя спектакль возобновился при полном спокойствии. А еще через сорок минут прибыли сотни полицейских. Они заставили публику очистить театр, избивали зрителей при выходе. На другой день префект полиции окончательно запретил представление пьесы под тем предлогом, что она вызывает «нарушение общественного порядка».

Французская конституция отвергает всякую театральную цензуру. Несомненно, в этом отношении конституция бесчисленное количество раз нарушалась. Но редко конституция нарушалась в этом пункте столь цинично.

Нам быстро удалось установить, что нападающие были наемниками, щедро оплаченными американской ассоциацией, называющейся словно насмех «Мир и свобода». Эти люди получают 240—300 тысяч франков в месяц (средняя зарплата рабочего — 30 тысяч франков) и уже не раз отличились за предыдущие месяцы в набегах на демократические организации.

Возмущение подобным беззаконием носило всеобщий характер. Характерно, что театральные критик «Орор», газеты, спродвигавшей нападение, также подписал протест против запрещения «Полковника Фостера», рискуя, разумеется, потерять работу. Театральный критик другой реакционной газеты написал резкую статью против запрещения пьесы. Редактор сначала отказался ее печатать. Критик угрожал, что со скандалом уйдет из газеты, и статья была напечатана. Митинг протеста объединил писателей из разных политических партий.

Я написал свою пьесу, чтобы показать основное противоречие в психологии американского полковника Фостера, который считает себя демократом и культурным человеком и в то же время участвует в агрессивной империалистической войне в Корее. Более узкой целью для меня являлось разоблачение полковника Фостера, то есть американской армии. Но в результате гонений моя пьеса послужила также для разоблачения французского правительства, для выявления честных людей среди французской интеллигенции всех направлений.

Таким образом, произведение искусства, когда оно выступает на линии основной борьбы своей эпохи — в наше время на линии борьбы за мир, — зачастую действует сильнее, чем предполагал автор. В этом преимущество писателя, в этом его честь, но в этом же и его ответственность.

За последние месяцы французская интеллигенция все шире объединяется вокруг подлинных патриотов и защитников мира. Всем известна позиция Сартра на Венском Конгрессе народов в защиту мира. За время моего пребывания в странах народной демократии и в Советском Союзе меня неоднократно спрашивали, чем можно объяснить приход Сартра в лагерь мира.

Дело объясняется просто. Подавление правительством свободы слова, аресты Жака Дюкло и Андре Стиля, требование о лишении парламентской неприкосновенности депутатов-коммунистов, многочисленные произвольные аресты — все это ярко выявило нависшую над Францией угрозу фашизма. А непрерывно растущая истерия американских правителей сделала настолько очевидной угрозу войны, что уже нельзя больше закрывать глаза на окружающее.

Все большее число французских деятелей культуры понимает, как это было с ними во время гитлеровской оккупации, что сейчас уже нельзя оставаться нейтральными. Они понимают, что в великой борьбе за мир, развернувшейся во всем мире, нет места нейтральности: кто не борется за мир, служит лагерю войны.

Сартр это понял. Преследования, которым подвергаются сторонники мира, раскрыли ему глаза. Он вынужден был осознать, что сейчас уже не время заниматься метафизическими дискуссиями об отвлеченной свободе. Фашизм, опасность войны угрожают и отвлеченной, и конкретной свободе. Сейчас нужно срочно помешать войне, воспрепятствовать торжеству смерти.

Это понимают сейчас все лучше и французские деятели культуры, и французы других профессий, принадлежащие к самым различным классам, придерживающиеся самых разных взглядов.

Роже ВАЙЯН.